

ПРОПАСТЬ времени между гибелью этого русского поэта и началом Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины гораздо глубже хронологически — набравших пятидесяти с небольшим лет. Но через эту пропасть переброшен мостами сходящий едва ли не на тончайшую нить, однако всё же остающийся неразрывным мостик русского патриотизма, нашей любви к своей Родине.

*Россия, Русь!
Храни себя, храни!
Смотри, опять
в твои леса и доли
Со всех сторон
нагрянули они,
Иных времён
татары и монголы...*

— и опять решились на это, разумеется, не от "нечего делать", не от пассионарного избытка жизненной силы и удалой молодёцкой, а с целью переубить или каким-то иным способом обмана и насилия спосовать эту нить, без которой всё наше достояние окажется в чуждых руках. Причём в роли "татар и монголов иных времён" могут выступать (и выступали) самые разные (практически любые) исторические общности людей, далеко не только этнические, так что здесь — не столько имя конкретных народов, сколько образное выражение определённого комплекса исторических функций захватчиков и агрессоров в нашей общей памяти.

В своём предисловии к рубцовскому сборнику "Стихотворения", вышедшему в 1983 году, Вадим Кожинот отмечал: "Поэзия его исполнена живой жизни, она уходит своими корнями в глубины личного и народного бытия". И чуть позже, уже в ходе горбачёвской "перестройки": "При жизни его имя было дорого лишь узкому кругу ценителей поэзии; даже в среде профессиональных литераторов реальную ценность его творчества осознавали очень немногие. Но начиная с середины семидесятых годов за предельно краткий срок поэзия Николая Рубцова обрела поистине всенародное признание".

Наверное, такое обретение и могло состояться лишь потому, что творчество поэта действительно дотягивалось своими корнями до тех глубин бытия (народного в том числе и прежде всего), где таится заветная "живая вода" наших сказок и легенд. Конечно, Кожинот как мыслитель и идеолог русского патриотизма своими словами "торопил события" и во многом выдавал желаемое за действительное, когда писал:

ЧУВСТВО РОДИНЫ

К 90-летию Николая Рубцова

"Рост славы Николая Рубцова обусловлен прежде всего духовным ростом миллионов читателей — то есть в конечном счёте целого народа". По итогам "перестройки" и "рыночных реформ" часть самих жителей России по отношению к собственной стране была превращена в "иных времён татар и монголов", в тех самых "новых русских", упоённо поклонявшихся доллару. Но — только часть, которая взяла власть в "святые" для неё девяностые годы. А вот с жителями Украины, в том числе этническими русскими, подобную трансформацию осуществить, похоже, удалось в куда более массовом и жёстком порядке, поэтому то, что Вадим Валерианович провозглашал во второй половине 1980-х для всего СССР в целом, стало действительностью только после 24 февраля 2022 года и только для России, когда она, начав Специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины, тем самым отказалась от цели "хоть тушкой, хоть чучелком" войти в глобальный мир западной цивилизации, а русский патриотизм перестал нашим обществом в целом восприниматься как бранное слово, ярлык отсталости и маргинальности (помните расхожую некогда фразу: "Патриотизм — последнее прибежище негодяев"?).

Русский советский поэт Николай Михайлович Рубцов

*Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной
царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
разрушенных
белых церквей!..*

— оказалось намного более глубоким и полным, чем у самых "прогрессивных" и "авангардных" его современников, вклю-

чая получившего нобелевскую премию 1987 года по литературе и вместе с ней — всемирную известность Иосифа Бродского, который, при всех своих особенностях и во многом вследствие этих особенностей, прошёл по пути конвергенции в западную цивилизацию. Что общего у Бродского с его известной самохарактеристикой: "Я — еврей, русский поэт, английский эссеист и американский гражданин" (здесь видится скрытая отсылка

шей литературе суть вообще не русские, а всего лишь "русскоязычные" авторы). Здесь можно с водой легко выплеснуть и ребёнка, поэтому зафиксируем лишь бесспорную разницу векторов этих двух поэтов — векторов не только творческих, но и жизненных. А равно и то, что творческий вектор Николая Рубцова только недавно оказался однопнаправленным с вектором отечественной истории (неотъемлемой частью вектора отечественной культуры он был и воспринимался уже с середины 60-х годов XX века). "В России надо жить долго", — как-то сказал Корней Чуковский. В канун своего девяностолетия Николай Рубцов продолжает жить в России своими стихами. И надеемся, они, фактически обожествляющие нашу Родину, не забудутся

РУССКИЙ ОТВЕТ

*Русский ответ
на английский вопрос —
лучшего нет
и не будет, хоть прост:
— Быть или не быть?
— А, была не была!
Теплится нить,
проვояя дотла,
Вот и ушло
В небо пламя — душа.
Жить — хорошо!
Быть — хороша!*

ШАЛАШ В РАЮ

*"С милым рай и в шалаше..."
Николай (Нигмат) Ибрагимов*

*"Воспоминания есть единственный рай, из которого нас нельзя выгнать..."
Жан Поль*

*Ни у кого я слова не прошу.
Ведь Слово — Бог,
и я прошу у Слова,
чтобы меня, уже едва живого,
оно вело к простому шалашу,
оставленному некогда в раю —
из тех ветвей оборванного древа
познания добра и зла, где древле
расслышали коварную змею...
Но кто дал мощь
и власть её речам?
Ведь это Ты, божественное Слово,
Нас вечно в сёти ожиданий повишь
и ставишь бытия на всём печать.
Её не смьют потоками времён,
не перебить печатями иными,
и бывшее небывшим сделать ныне
я больше не прошу.
Пусть снится сон.*

ИЗ ЦИКЛА "ЭКЛИПТИКА"

II. Овен

*За руном твоим золотым
всё плывут и плывут аргонавты...
А в глазах у Медеи — дым
от оеня, что ворел когда-то.
А в устах у Медеи — ложь
от уже несбывшейся правды
А в руках у Медеи — нож,
и следы от него — кровавы.
А в ушах у Медеи — зов:
иум богов, свист драконых крыл,
треск ростков из драконых зубов,
время жатвы которых — миг,
время жертвы которых — миф,
время жизни которых — мы...*

ИЗ ЦИКЛА "ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ"

VIII. Фома

*Всякое дшженье — словно тонет
в ране, куда вложены персты...
"О, Господь мой,*

Бог мой! Это — Ты!"

*Мысли были чисты и просты,
кровь Твоя струится по ладони...
Кровь, и плоть, и речь Твоя — одно,
егда внидешь*

*затворенным дверем,
свет нетварный выжжет полотно,
прорастёт створцею зерно.
"Буди не верен Мне, но верен!..
Тяжкий труд, не мерзкая игра —
возводить чертог душе бездомной.
Льётся кровь Твоя, творя Грааль
в чаше бытия, ещё бездомной.*

XII. Симон Кананит (Зилот)

*Всё — цветёт!
Весенний и влюблённый,
пей вино,
не думай об ином!
Уплодай своей невесты лоно!
В царстве Песни Песней*

Соломона —

*будь царём!
Богом — будь!
Бог-Троица, Бог-Слово,
Бог-Любовь — не мёртвых,
но живых!*

*Кто в Любви и Слове
жить привык —
тем не нужно ничего иного!
Так твори же слов любви обряд —
неизменно, неизменно новых;
все они — да вовек*

*пребудут с нами! —
неземными светят голосами
и очами горними глядят...*

XIII. Левий Матфей

*И очами горними глядят
те, кто смог подняться
над собою,
кто всегда готов к молитве, бою
и трудом — кто праведен и свят.
Всем, кого коснётся этот взгляд,
распахнутся в мир небесный окна,
но иди путём до райских врат:
тем, что узок и тернист, и огнен,
выбирая каждый шаг стоكرат:
быть обожённым?*

*быть обожённым? —
нимб стяжать,
души своей корону, —
дело тех, кто слышит божий лад
и кому крылами плещут над
ангелы.*

*Во время это.
Оно.*

XIV.

*Ангелы! Во время это оно
прилетайте, светлые, ко мне,
в этот сад заброшенных камней:
собранных и вновь краугольных!
Годнимите, сильные, меня —
сам я не смогу уже подняться —
чтобы мне увидеть
все пятнадцать
измерений времени-пространства:
истин, не дающих запягнуться
в мореке зменого бытия!
Не лежачим я хочу быть камнем,
но летящим в тот
Небесный град, —
словно сон, что тянется веками:
голуби, аранаты, виноград...*

Владимир ВИННИКОВ

ТАТЛИН, тайновидец лопастей и винта певец суровый, из отряда солнцеловов" — так затейливо сказал Велимир Хлебников о своём друге Владимире Татлине. Лопастей и винты — заря новой эры, где могучая техника будет служить человеку, а задно делать его лучше, светлее, чище. Солнцелов — признак гения, подчиняющего солнце и руководящего стихиями. Татлин — это устремлённый ввысь, покорение пространства и времени. Он — мечтатель и практик, алгебра и гармония, мысль и грёза.

Вместе с тем он охотно общался и участвовал в посиделках, где не только беседовали о высоком, но и бражничали. "Татлин был простым, добрым, обаятельным художником, чутким ко всему живому, убеждённым в своих взглядах и чувствующим в себе силу огромного таланта", — писал о нём Александр Лабас, также связанный с Татлиным узами дружбы. Его компания — вся знаковая богема.

Однако не всё так мило и гладко — им часто овладевала жгучая зависть к коллегам. Валентина Ходасевич подчёркивала: "К сожалению, чувство зависти и ревности к успехам других художников-новаторов всё больше приводило Татлина к тяжёлым переживаниям и странным поступкам. Почему-то больше других мешало и не давало Татлину покоя существование Малевича, тихого, очень принципиального человека, путь которого чётко определился". С другой стороны, Татлин обожал сам вызывать зависть. "А я вот понял и всю эту хитрость

Современники отмечали, что Владимир Татлин обладал самыми парадоксальными умениями — к примеру, он блестяще играл на бандуре и лихо изображал слепого бандуриста-малоросса на одной из выставок прикладного искусства.

В арт-центре "Зотов", что на Ходынке, сейчас проходит выставка "Татлин. Конструкция мира", приуроченная к 140-летию со дня рождения художника. Это повествование о творце, который беспрестанно рвался в будущее, но в итоге приучился жить настоящим. От буйных опытов — к спокойным натюрмортам. Экспозиция показывает Владимира Татлина, каким он был, — задиристым, ранимым, щедрым, самолюбивым.

На выставке масса фотографий. Татлин серьёзен и мур. А здесь — он смеётся или же смотрит на нас с хулиганской ухмылкой. Он напоминает поэта и карманника, своего парня и наспуленного одиночку. На одном из стендов — фото его рук. В те годы востребованы такие кадры с акцентом на частности. Глаза, пальцы, стопы, лица в необычных ракурсах — фотоискусство проживало свой золотой век.

МЕТОД ТАТЛИНА

Экспозиция в центре «Зотов»

«Продавец рыб». Художник Владимир Татлин. 1911 г.

вскрою, и увидите, какая небывалая вещь получится! Они долго завидовать будут!" — "Кто — они?" — спросила я. — "Маяковский, Каменские всякие, да и Малевич затылок почешет. Ведь вы что думаете? Они сейчас, наверное, тоже в Москве волнуются: а что выставит Татлин?!" — читаем в мемуарных записях Валентины Ходасевич. Будучи ревнив и жаден до славы, он видел в окружающих тот же порок. Размышлял о полёте, но и являл чудовищную приземлённость.

Владимир Татлин — персонаж многогранный и разноликий. Нет даже единого мнения по поводу его наружности — он казался то безобразным и нелепым чучелом, то — светящимся красавцем. Его биография также пестра и наполненна. Сын потомственного орловского дворянина, инженера-технолога, и малоизвестной поэтессы, близкой "народникам", Владимир Татлин заполучил отменный старт и притом — нелёгкую судьбу.

Володя рано потерял мать, в доме воцарилась махеча. В тринадцать лет — побег из ненавистного дома. Где он только не подвизался, в том числе и на флоте! Повидал страны, закалил характер.

ТАТЛИН БЫЛ природённым художником, имея дар видения фактуры и натуры. Он хорошо чувствовал цвет, форму, композицию. Владимир легко поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, но столь же быстро оттуда вылетел за неуспеваемость и предосудительное поведение. Он не умещался ни в какие рамки, попросту ломая их. Затем Татлин постигал муз в Пензенском художественном училище, что осуждалось в столицах, оказывалось возможным в провинции. Далее прибыл в Москву, чтобы потрясать всех своими талантами.

В экспозиции представлены его картины 1910-х — Татлин опробовал все авангардные стили, примериваясь и приглядываясь. Он, не вступая в объединения, участвовал в выставках "Бубнового вальса" и "Ослиного хвоста", вращался среди мирискусников. В татлинских работах — явное влияние Михаила Ларионова, но это вовсе не имитация, а поиски себя. Манеру Татлина не спутаешь ни с кем.

Перед нами — портрет матроса. В нём живо угадывается сам художник. Остренькое лицо, яркий рот, голубые

глаза — всё резвыми штрихами и узнаваемо. Вот другой автопортрет, уже в синем костюме и шляпе. Гротеск уродья шаржа, и тем не менее подчёркнуты характерные черты. Сидящая натурщица — что-то броское на сером фоне. Игра цвета и линий — у модели не прописано лицо, но ощущается динамика момента, словно бы девушка только что повернулась. "Продавец рыб" — композиция заковычована, и персонаж находится в окружении своего товара. Примечательно, что художник делает всё нарочито плоским, а получается объём, и он буквально осязаем.

Владимир Татлин заявил о себе как сценограф. На выставке можно увидеть эскизы его декораций и костюмы к опере Михаила Глинки "Жизнь за царя". Смесь кубизма с иконописью — это было ново и дерзко. Интенсивные краски соседствуют с приглушёнными, а схематично нарисованный лес таит в себе мистику, будто бы там обитают языческие боги. К сожалению, постановка не осуществилась. Имелись у Татлина и успешные проекты. Он любил театр, понимая его суть. Нереальная реальность должна

МЕТОД ТАТЛИНА

затягивать зрителя, превращая его в соучастника действа.

Среди экспонатов — так называемые контрольные, изобретённые Владимиром Татлиным для выявления свойств материала. То были умозрительные конструкции, не изображавшие предметов. Для контрольных мастеров использовал дерево, металл, стекло, верёвки. Татлин выставлял антитезы: объём — плоскость, шероховатость — гладкость, динамика — статика. Эту концепцию впоследствии подхватили конструктивисты в стремлении познать форму и содержание.

КАК И БОЛЬШИНСТВО товарищей-авангардистов, Татлин с восторгом принял Октябрьскую революцию, видя в ней торжество вселенского обновления. С конца 1910-х по начало 1930-х годов именно авангард сделался мейнстримом, а советская власть поддерживала все экспериментальные начинания. Все дружно ринулись переустраивать быт. Коснулось это и одежды. Считалось, что облачение сознательного пролетария, как и рационалистическая архитектура дома или фабрики-кухни, должна состоять из утилитарно-конструктивных элементов. Никаких потайных кармашков и бесполезных хлястиков, а тем более рюшей. Варвара Степанова, жена и соратница Александра Родченко, утверждала: "Мода, психологически отражающая быт, привычки, эстетический вкус, уступает место одежде, организованной для работы в различных отраслях труда, для определённого социального действия, одежде, которую можно показать только в процессе работы в ней, вне реальной жизни не представляющей из себя самодовлеющей ценности, особого вида произведений искусства. Витрины магазинов с выставленными в них моделями костюмов на восковых манекенах становятся эстетическим пережитком. Сегодняшний костюм надо смотреть в действии, вне его нет костюма так же, как бессмысленна машина вне работы ею производимой".

Не остался в стороне от темы и Владимир Татлин — он создал дизайнерский вариант "костюм-нормаль". В экспозиции представлен рисунок Татлина — широкое пальто с большими карманами, недлинные брюки, высокие ботинки и — кепка. На фотографиях изображён и сам автор в ином варианте "нормали" — свободная рубаша и штаны. Всё это не стес-

няло движений и годилось для любого вида деятельности. Стандартизация и лапидарность — вот основа. В 1920-х годах индивидуума воспринимали как винтика громадной системы, и в том не было ничего оскорбительного. Напротив — идеалом служила машина, и человек желал бы ей подражать.

Экспозиционной точкой сборки является макет памятника III Интернационалу. Это самое знаменитое произведение Татлина и один из символов русского конструктивизма. Фантастическая башня — авангардный прорыв, пламя страсти и уверенность в победе. Татлинский замысел — на грани фола. Наклонные металлические спирали плюс расположенные друг над другом здания различной геометрической формы. Посредством механизмов эта машина ещё и вращалась бы вокруг своей оси. Намечаемая высота — четыреста метров.

Константин Симонов в своих мемуарах заметил: "Идея создания проекта этого памятника вырезала у Татлина, а потом и начинала осуществляться в ту пору, когда он работал в ИЗО Наркомпроса и был прямо причастен к ряду практических дел, связанных с осуществлением ленинской идеи монументальной пропаганды. А сам проект памятника Третьему Интернационалу был его собственным вкладом в реализацию этих коллективных планов. Работа художника была одухотворена высокими революционными целями".

Сатирик Аркадий Аверченко злобно высмеял башню: "Если бы тысяча бессмертных дураков собралась купно, и тысячу лет эта тысяча сочиняла тысячу самых глупых анекдотов, то на всемирном конкурсе первый приз за самый глупый анекдот получил бы автор проекта памятника III Интернационалу. Для пьяного человека эти башни, налепленные одна на другую и вращающиеся, могут быть самым жутким головокружительным кошмаром. — Крутишься, сволочь? И так всем головы на сторону скружили, а тут ещё башню вертячую посередь дороги поставили".

Проект так и не был осуществлён. Среди причин — техническая невозможность воплотить полусказочную идею.

КАК ТУТ не упомянуть о фантазмагорической утопии Владимира Татлина — об орнитоптере, который так и назывался — "Летатлин"? Летать! И — Татлин. Его будоражила сама мысль о воздухоплавании — в 1920-х годах всерьёз рассуждалось о том, что люди будущего обретут умение птиц парить без помощи винтов и моторов. Грядущее рисовалось безгранично солнечным и свежим, как утренняя роса. Задуманный орнитоптер напоминал скелет птеродактиля и удивил всех: и физиков, и лириков. Это был гордый вызов — совершенно в татлинском духе. Увы, "Летатлин" вообще не полетел, что ничуть не умалило его художественного значения. В экспозиции представлена эта парадоксальная вещь, и не надо быть инженером, дабы понять — это лишь каприз мечтателя.

В 1930-х Владимир Татлин ушёл в тень, точнее, его туда задвинули. Причуды в духе башен и орнитоптеров не котировались, а сам конструктивизм вышел из моды. Татлин не утратил оптимизма — он работал в качестве декоратора сразу в нескольких театрах. Заказов было немного, но художник не думал о деньгах, его не пугала крайняя бедность.

Он сосредоточился на повседневности и писал натюрморты — цветы, фрукты, вещи. Умер Владимир Татлин в 1953 году, забытый практически всеми — лишь с 1960-х годах о нём заговорили на волне увлечения минимализмом и ранним авангардом. Для нас он так и остался Летатлиным, человеком с моторчиком и мифами о небе. "Товарищ пролетарий, садись на самолёт!" — призывал Владимир Маяковский. Он тоже сочинял легенды о той высоте, где птицы.

Галина ИВАНКИНА